7-26

АРХИВ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1917 г.

В ДОКУМЕНТАХ и МАТЕРИАЛАХ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
М. Ф. ВЛАДИМИРСКОГО, А. С. ЕНУКИДЗЕ
М. Н. ПОКРОВСКОГО и Я. А. ЯКОВЛЕВА

ПЕРВЫЙ ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ

1930
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

7437

ЦЕНТРАРХИВ

1917 ГОД В ДОКУМЕНТАХ И МАТЕРИАЛАХ
ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ М. Ф. ВЛАДИМИРСКОГО, [redacted]Е,
М. Н. ПОКРОВСКОГО и Я. А. ЯКОВЛЕВА

П-26

П-266

ПЕРВЫЙ ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ Р. и С. Д.

Подготовил к печати
В. Н. РАХМЕТОВ

С предисловием Я. А. ЯКОВЛЕВА

Том 1

42571

ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ЛЕНИНГРАДМОРБАЗЫ

БИБЛИОТЕКА
ЛЕНИНГРАДСКИЙ ФИЛИАЛ
Музея [redacted] № 4855

Эта книга принадлежит КРАСНОФЛОТСКОЙ БИБЛИОТЕКЕ
За присвоение книги виновные отвечают, как за кражу военного имущества.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА * 1930 * ЛЕНИНГРАД

Дом Печати
№ 92-1113/35

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие Я. А. Яковлева . . . . . III—XXII
От редакции . . . . . XXIII—XXVIII

Стенографический отчет

Стр.

Заседание 3 июня . . . . . 3—40

Открытие съезда. Речь Чхеидзе — 3. Выборы председателя и президиума — 4. Утверждение регламента — 5. Организация секции съезда—5. Оглашение приветствий съезду — 5. Внесение в порядок дня вопроса об изгнании Роберта Гримма — 6. Прения о высылке Роберта Гримма: речь Мартова — 6; речь Церетели — 11; речь Скобелева — 18; речь Керенского — 21; речь Зиновьева — 21; речь Либера — 24; речь Гоца — 27; речь Абрамовича — 28. Заключительная речь Мартова — 31. Заключительная речь Церетели — 33. Принятие резолюции по поводу высылки Роберта Гримма — 37. Закрытие заседания — 40.

Заседание 4 июня (утреннее) . . . . . 41—53

Принятие дополнений к регламенту — 41. Утверждение выборов в мандатную комиссию — 41. Утверждение программы работ съезда — 41. Приветствие Мазуренко от Главного Организ. Комитета Всероссийского Крестьянского Союза—43. Приветствие Циона—43. Оглашение приветствия Чарльза Травельянса — 44. Внеочередное заявление Дана — 45. Об отношении к Временному Правительству (доклад Либера)—46. Закрытие заседания — 53.

Заседание 4 июня (вечернее) . . . . . 54—95

Прения по докладу об отношении к Временному Правительству: речь Церетели — 54; речь Ленина—67; речь Керенского—77; речь Луначарского — 83; речь Скобелева — 88. Закрытие заседания — 95.

Заседание 5 июня (утреннее) . . . . . 96—119

Оглашение приветствий от Кавказского краевого съезда и от съезда представителей Балтийского флота—96. Продолжение прений по докладу об отношении к Временному Правительству: речь Чернова — 96; речь Мартова — 111; речь Церетели — 117.

Заседание 5 июня (вечернее) . . . . . 120—159

Внеочередное заявление президиума — 120. Принятие резолюции о захвате анархистами типографии Березина — 120. Продолжение прений по докладу об отношении к Временному Правительству: речь Брамсона — 120; речь Мазурина — 126; речь Пешехонова 129; речь Дана — 137; речь Троцкого — 142; речь Скобелева — 149; речь Фирсова—153. Заявление Троцкого — 158. О проверке голосования резолюции о высылке Р. Гримма — 158. Закрытие заседания — 159.

Заседание 6 июня (утреннее) . . . . . 160—178

Приветствие от русских войск во Франции — 160. Приветствие Авксентьева от Крестьянского Союза — 160. Продолжение прений по докладу об отношении к Временному Правительству: речь Шнитникова—161; речь Каменева—163; речь Филипповского—167; речь Никольского—172; речь Рязанова — 175; речь Вознесенского — 177. Закрытие заседания — 178.

Стр.

Заседание 6 июня (вечернее) . . . . . 179 — 222

Продолжение прений по докладу об отношении к Временному Правительству: речь Крыленко—179; речь Сано—182; речь Сокольского—185; речь Захватаева — 187; речь Зиновьева—189; речь Виленкина—192; речь Канторовича — 194; речь Смирнова — 197; речь Орлова—199; речь Алексинского—201; речь Любовича — 203; речь Фишгендлера—204; речь Старостина—206; речь представителя Черноморской организации—210; речь Васильева — 212; речь Романова — 214; речь Малевского — 215; речь Преображенского — 217. Заявление Гоца—219. Заявление Позерна — 219. Заявление Церетели — 219. Закрытие заседания — 222.

Заседание 7 июня (вечернее) . . . . . 223 — 259

Продолжение прений по докладу об отношении к Временному Правительству: речь Скобелева — 223; речь Басинова — 236; речь Лепского — 239; речь Ногина — 241; речь Сухова — 243; речь Советова — 247; речь Шумяцкого — 247, речь Арбатова — 249; речь Эрмана — 250; речь Попова — 252; речь Поршнева—253; речь Киселева—254; речь Моисеева — 256. Заявление Соколовского — 259. Заявление Старостина — 259. Закрытие заседания — 259.

Заседание 8 июня (вечернее) . . . . . 260 — 291

Оглашение приветствий съезду—260. Сообщение Гегечкори о захвате анархистами дачи Дурново—260. Прения по поводу захвата дачи Дурново: речь Каменева — 262; речь Гоца — 264; речь Луначарского—265; речь Никольского — 265; речь Державина — 265; речь Переверзева—266; речь Гегечкори — 268. Принятие резолюции о захвате анархистами дачи Дурново — 269. Заключительное слово Церетели по докладу об отношении к Временному Правительству — 270. Заключительное слово Либера по докладу об отношении к Временному Правительству — 279. Внесение резолюций по докладу об отношении к Временному Правительству: резолюция объедин. с.-д. интернационалистов (Луначарский)—283; резолюция с.-д. большевиков (Каменев)—284; резолюция с.-д. меньшев.-интернационалистов (Бер)—285; резолюция с.-д. меньшевиков и с.-р. (Дан)—286. Принятие резолюции по докладу об отношении к Временному Правительству — 288. Сообщение о прибытии праха члена 2-ой Гос. Думы Белоусова — 289. Заявление Поршнева — 291. Закрытие заседания — 291.

Заседание 9 июня (утреннее) . . . . . 292 — 333

Оглашение приветствия от Симбирского Чрезв. Губерн. Собрания—292. Внесение резолюций о Государственной Думе и Государственном Совете: от объедин. с.-д. интернац. и большевиков (Луначарский) —292. От с.-д. меньшевиков и с.-р. (Гоц)—294. Прения по внесенным резолюциям: речь Троцкого — 295; речь Богданова — 296; речь Мартова — 297; речь Дана — 301. Принятие резолюции о Государственной Думе и Государственном Совете — 303. Об отношении к войне. Доклад Дана — 307. Прения по докладу об отношении к войне: речь Ленина—315; речь Керенского — 325. Закрытие заседания — 333.

Заседание 9 июня (вечернее) . . . . . 334 — 383

Продолжение прений по докладу об отношении к войне: речь Мартова — 334; речь Виленкина — 339; речь Каменева — 344; речь Саакьяна — 348; речь Троцкого — 352; речь Церетели — 357; речь Вайнштейна — 361; речь Плеханова — 365; речь Лапинского — 373. Сообщение Чхеидзе о демонстрации 10-го июня — 375. Доклад Гегечкори о положении в Петрограде — 375. Сообщение Луначарского — 379. Принятие резолюции о демонстрации 10 июня — 380. Закрытие заседания — 383.

Заседание 11 июня (утреннее) . . . . . 384 — 421

Приветствие Ткачева от Казачьего съезда—384. Сообщение Алексеевского о приветствии им Казачьего съезда — 385. Продолжение прений об отношении к войне: речь Державина — 386; речь Крыленко — 390;

*

Стр.

речь Подвицкого — 393; речь Луначарского — 395; речь Печерского — 397; речь Никифорова — 399; речь Сухова — 401; речь Зиновьева — 403; речь Малевского — 406; речь Хараша — 409; речь Эрмана — 412; речь Лордкипанидзе — 414; речь Арсона — 417; речь Бера — 419. Закрытие заседания — 421.

Заседание 11 июня (вечернее) . . . . . 422 — 434

Приветствие Вандервельде — 422. Ответ на приветствие Вандервельде Чхеидзе — 423. Заключительное слово Дана по докладу об отношении к войне — 425. — Сообщение Розанова об интернациональном конгрессе — 428.

Приложения . . . . . 435 — 446

Примечания . . . . . 447 — 473

Предметный указатель . . . . . 474 — 478

Именной указатель . . . . . 479 — 481

42571.

9г - 1113/35

демагогические возгласы с той стороны, что практически ничего не сделано.

Товарищи, это анархисты нам всегда говорили, — когда мы говорили, о том, как трудна и сложна тактика рабочего класса, что на каждом шагу она натыкается на проволочные заграждения, что на этом пути лежат скрытые капканы и ямы, что нужен долгий, упорный труд, для того, чтобы, развивая последовательно нашу тактику и идя к нашей конечной цели, уметь проходить через эти проволочные заграждения,—анархисты нам говорили: «Да это все слова, слова, слова, это все организация, организация,—где ваша непосредственная цель?» И вот теперь, скажу, мы дожили до того, что целая часть русского социализма, воспитанная, очевидно, под влиянием этого анархического настроения, предъявляет к нам запросы, на которые нет и не может быть ответа, кроме того, который мы здесь даем.

Тов. Ленин на этой трибуне вам всем говорил о том, что над нами за границей смеются. Я, конечно, не знаю, в каких кругах общества и народа над нами смеются, но думаю, что, действительно, все должны хохотать над тем рецептом русской революции, который здесь нам преподносят товарищи-большевики. Я заявляю, что это неправда, — в Европе над нами не смеются; капиталисты и империалисты и всевозможные хищники нас боятся и ждут того, чтобы мы совершили неверные шаги. И на нас взирают, на нас с надеждой смотрят как раз те, которые так унижены и оскорблены, и друзья тов. Ленина, и Маклин и Либкнехт, конечно, они не смеются. Они ждут того могучего натиска, который их бы освободил из тюрьмы, так же, как он нас созвал в эту залу. Но, товарищи, действительно, сатанински посмеются за границей империалисты всех стран, в особенности германские, если план, развиваемый слева, вы попробуете осуществить. Какую великолепную картину распада и разложения представит из себя тогда революция! Если, товарищи, вы хотите, чтобы мы были победоносны, если хотите, чтобы мы не поддавались на демагогические зазывания той или другой стороны, мы должны итти тем путем, на который вступил Петроградский Совет Р. и С. Д. Это — единственный путь, который может вести Россию к окончательному укреплению революции и к скорейшему окончанию кровавой бойни. (Рукоплескания справа и в центре.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Слово имеет тов. Плеханов. (Продолжительные рукоплескания справа и в центре.)

ПЛЕХАНОВ. Товарищи, прежде всего позвольте мне поблагодарить вас за тот горячий привет, с которым вам угодно было ко мне обратиться. Этот привет тем дороже для меня, что на меня за мои воззрения на революцию и на задачи революции во время войны не раз сыпались такие обвинения, что когда о них вспомнишь, то делается стыдно, — не за себя, а за тех, которые с ними против меня выступали. Но я должен сказать, товарищи, что лично я никогда не смущался этими обвинениями. Иногда даже близкие мне друзья приходили ко мне и говорили, что мои противники в лагере революционеров стараются создать мне дурную репутацию; на это я вспоминал Дантона. Однажды к великому французскому трибуну пришли его друзья и сказали: «Ваши враги хотят запятнать ваше имя». Он на это ответил так: «Что̀ мне мое имя,—пусть запятнают мое имя, но пусть Франция будет свободна». Точно так же и я скажу, товарищи: пусть запятнают мое имя, пусть мое имя останется запятнанным в истории, но пусть русская революция восторжествует, пусть она не будет раздавлена под пятой германского империализма. (Рукоплескания справа.)

Затем, я должен сознаться, товарищи, что меня немножко удивило то обстоятельство, что как только я сегодня вечером явился в это заседание,— это, конечно, чистая случайность, но она довольно характерна, — мне прип-

лось сейчас же попасть, можно сказать, под неприятельский огонь со стороны, которую здесь называют левою. Я не знаю, нет ли тут известного терминологического злоупотребления, но, очевидно, термин этот у вас установлен. Так, гражданин Троцкий упоминал не без упрека то обстоятельство, что мое имя было подписано под воззванием, исходившем от военной «группы личного примера». Да, мое имя было подписано под этим воззванием, и, признаюсь, когда против меня и моих ближайших единомышленников, Дейча, В. Засулич, выступают с обвинением по этому поводу, я решительно не вижу оснований для какого бы то ни было обвинения; но раз тов. Троцкому угодно было выступить против меня с этим обвинением, угодно было выступить на меня с атакой немедленно после того, как я имел честь предстать перед вами, то я скажу словами Лассаля: «Я старый боец, мой щит усеян неприятельскими стрелами: одной стрелой больше, одной стрелой меньше,— это меня не испугает». Притом должен еще заметить, что та стрела, которую угодно было направить против меня гражданину Троцкому, оказывается, к сожалению,— я сожалею за него,— недостаточно заострённою.

В чем, собственно, дело, в чем преступление в данном случае, или,— не скажу преступление,— в чем проступок такой, который заслуживал бы хотя малейшего упрека? «Группа личного примера», заметьте, не такая группа, которая требует каких-нибудь наказаний, не такая, которая говорит: к солдатам нужно применить то-то и то-то, такую-то дисциплину,—нет, она говорит: по нашему мнению, настроение в нашей армии очень неудовлетворительно; по нашему мнению, боевая мощь России падает, мы должны личным примером поднять дух армии. Что же тут плохого, товарищи: подавать личный пример в том деле, которое люди, подающие этот пример, считают хорошим? Подать личный пример в этом деле даже анархисты разрешают, и я лично не понимаю, почему товарищи слева, по крайней мере, гражданин Троцкий огорчается этим обстоятельством? Личный пример подать никому не запрещено, тем более, если этот пример связан с самоотвержением, с героическим выступлением против врага. Говорят, в этом воззвании много грубых преувеличений; указывают на то, что, в сущности, в нашей армии настроение не падает, деморализации нет, а есть только известное недоумение и возникает вопрос о целях войны. Наша армия не выяснила себе целей войны, именно поэтому она и находится в том состоянии, которое некоторым из нас, проникнутым излишним пессимизмом, кажется нравственным разложением духа русского солдата. Так ли это, товарищи, на самом деле? Я спрашиваю вас, и, конечно, всем вам известно, что было огромное количество дезертиров из нашей армии; говорят, что число их достигает двух миллионов. И вот, я спрошу вас: что же,— неужели эти дезертиры оставляли свой пост, покидали окопы, покидали винтовки за тем, чтобы итти в деревню справляться у своих баб и деревенских стариков о целях войны? Так ли это? Нет. Разумеется, они оставляли армию не потому, что им хотелось выяснить себе цель войны, а потому, что они просто в войне не хотели принимать участия. Каждый шел за себя, каждый шел в одиночку, а если складывались в данном случае кучки, то единственно с целью побега. А на местах знаете, что происходило, какие страшные беспорядки учинялись теми же дезертирами?

Это ли свидетельствует о высоком подъеме духа у армии? Нет. Гражданин Троцкий сослался на один рассказ Глеба Успенского, в котором есть сравнение психологии русского народа с воблой. Он говорит, наша революция разрушила эту психологию. Я должен заметить, что этот рассказ, очевидно, нехорошо сохранился в памяти гражданина Троцкого. Психология воблы, жизнь воблы в данном случае не при чем. Всякий, кто знает, как

складываются животные общества, скажет, что эта рыба даже обществами не живет, — каждая единица живет отдельно, и никогда, разумеется, вобла не ставила перед собой каких-нибудь целей, которые заключались бы в дурно или хорошо понятой защите общих интересов. В том-то и дело, товарищи, что психология воблы — психология индивидуума, который хотя и живет в кучке, но еще не дорос, не поднялся, не возвысился до осознания общегражданских интересов. Психология этой воблы живет и в наших дезертирах, живет во всех тех солдатах, которые уходят из окопов и говорят: «ну вас совсем, я пойду к себе!» Это и есть психология воблы. Революция ее, к сожалению, не разрушила. И когда мы видим это, мы говорим словами Некрасова: «видит имеющий очи и за отчизну болеет». Как же не болеть за отчизну в самом деле? Вспомните некоторые примеры революций, вспомните английскую революцию XVII века. Товарищи, солдаты Кромвеля были лучшими солдатами своего времени: когда они выпили напитка революции, сердца их забились мужеством, у них явилось желание постоять за общее дело. Французские солдаты были лучшими солдатами своего времени: они, босые, голодные, одерживали такие победы, как победа под Жемаппом, под Валли; они не боялись наступления, они шли в наступление, потому что, опять-таки, в их сердцах революция разрушила психологию воблы, они возвысились до сознания общей цели. К сожалению, повторяю, у дезертиров, у людей, настроенных подобно им, эта психология воблы преобладает; ее нужно разрушить. Конечно, очень жаль, что она еще не разрушена. Разрушению этой психологии обязан способствовать каждый из нас личным ли примером, организованными или совокупными действиями, или, наконец, действиями нашего правительства, которое теперь является выражением воли страны. Но для того, чтобы разрушить эту психологию, нужно разъяснить сознание солдата точно так же, как и сознание той массы народной, которое, к сожалению, просвещено еще не вполне. А я утверждаю, что та тактика, которую рекомендуют. хотя бы по отношению к армии, наши противники, она не разъясняет народное сознание, она затемняет его. Вместо того, чтобы выяснить перед нашими солдатами, перед нашим народом цели той революционной войны, которая в настоящее время ведется, они не выясняют этих целей, а, напротив, выставляют их [1]) в таком тумане утопии, что народ окончательно теряется, — по крайней мере, часть народа, солдаты перестают понимать что бы то ни было, и из-за этого происходит разложение нашей армии, упадок ее боевой мощи.

Нам говорят, — и этот упрек обращается не собственно лично ко мне и моим ближайшим единомышленникам, он обращается, между прочим, и к нашему Временному Правительству, — это правительство упрекают в том, что оно недостаточно энергично напирает на наших союзников, что оно не грозит нашим союзникам сепаратным миром. Да, товарищи, сепаратный мир, это было бы самоубийство русской революции. Россия оказалась бы оторванной от союзников, лишенной военных припасов, финансовая система ее была бы окончательно подорвана, вместе с тем нам грозила бы с востока Япония, а Германия, видя нас совершенно изолированными, диктовала бы нам совершенно беспрепятственно свои условия. Россия была бы совершенно раздавлена; Россия в экономическом и политическом смысле была бы поставлена в такие условия, при которых ее развитие делалось бы если не окончательно невозможным, то, во всяком случае, чрезвычайно сильно замедленным, и это замедление нашего экономического и политического развития отразилось бы прежде всего на интересах нашей революции, на развитии

[1]) Далее в подлиннике следует: «в таком тумане от фракции».

пролетариата и революционных сил в народе. Мы превратились бы в нечто в роде Китая на востоке Европы, и, разумеется, такого застоя мы не желаем и желать не можем. Гражданин Троцкий говорит нам: «Да, изолированная таким образом Россия провозгласила бы своей целью социальную революцию и обратилась бы с призывом к народам всех других стран».

Один из предыдущих товарищей, возражавших гражданину Троцкому, сказал нам: да ведь это — старая бакунинская тактика, и он был совершенно прав; это именно старая бакунинская тактика. Гражданин Троцкий говорил: вы требуйте гарантий; боритесь [1]) за то, что есть, приглашайте только поставить такую цель, гарантию же мы не можем вам дать. Но вышло из его дальнейших рассуждений: «смелым бог владеет», и, во всяком случае, нам нужно сделать эту попытку. Но, ведь, это же и есть старая постылая бакунинская тактика. Бакунин говорил: каждый проповедует святое дело. Бунт, как бунт, хотя бы и подавленный, оставляет такой след, который будет способствовать дальнейшему революционному воспитанию народа. Это то совершенно ошибочное представление, которое было устранено из рядов русских социалистов по мере распространения в их среде марксистских понятий. Тов. Троцкий отстаивает решительность революционных действий. Решительность действия — прекрасная вещь, но надо знать, в каких условиях это совершается. Решительность — прекрасная вещь, но надо, чтобы решительность сопровождалась сообразительностью. (Смех.) Если же этого не будет, то сама решительность, вместо того чтобы нанести удар врагу, нанесет удар нам самим. По этому поводу, раз уже речь идет о войне, позвольте мне вспомнить, как во время севастопольской войны...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Тов. Плеханов просит еще 10 минут. (Голоса: «Просим, без ограничения времени».)

ПЛЕХАНОВ. Итак, товарищи, благодарю вас за продление срока моей речи. Итак, во время севастопольской кампании покойный граф Толстой сочинял стихи на решительность действий некоторых русских генералов. В стихотворении Толстого дело изображалось так: предлагали переходить в наступление генералу Липранди, а Липранди говорит: Липранди, — нет, атанде, нет, мол, не пойду. Вы пошлите на них Реада, а я посмотрю. А Реад был именно решительным генералом, сторонником решительного способа действий, и его послали именно потому, что он отличался если не умом, то решительностью. Так вот: «Ура, мы зашумели, да резервы не поспели» — и поспеть не могли. Но что из этого произошло? «На Федюхины высоты, — продолжает стихотворение, — нас пришло всего три роты, а пошли полки», и дальше повторяется, «а пошли полки». Так вот, во избежание такого поражения, при котором из целых полков революционной армии, — заметьте, — при отступлении пришли бы только роты, мы и предупреждаем вас от решительных генералов Реадов, а такие генералы не только в рядах старого правительства существовали, они, к сожалению, есть и теперь, и эти генералы Реады, которые кричат «ура», спросту ведут нас, эти генералы ничего, кроме поражения, нам не обеспечат и обеспечить не могут. Я сказал, товарищи, что тактика, которую нам предлагает г. Троцкий, есть не что иное, как старая тактика бакунизма. К этому я прибавлю и, расширяя свою мысль, скажу, что не только гражданин Троцкий рассуждает à la Бакунин, — нет, все те, которые в своих рассуждениях о войне повторяют те же самые аргументы, — а надо сказать, что большим разнообразием эти аргументы никогда не отличались и теперь не отличаются, — так все эти товарищи рассуждают совершенно по-бакунински.

---

[1]) Первоначально: «вы боретесь».

Действительно, странное дело, товарищи. Если взять наши взгляды на войну, наши исходные точки, то выйдет, к изумлению, что во многих отношениях мы совершенно согласны. Чтобы убедить вас в этом, я позволю себе прочитать несколько строк из одной брошюры, написанной человеком, чрезвычайно далеко отстоящим от меня по своим взглядам на войну, как и от огромного большинства из вас. Брошюра озаглавлена: «Кому нужна война». [146] Он пишет (читает): «Войны прекратятся только тогда, когда сломлена будет власть капиталистов, когда отнята будет у собственников и эксплуататоров возможность вредить народу, толкать его на путь кровавых схваток». «Что же делать, чтобы прекратить войну?» — продолжает автор. — «Надо отобрать все фабрики, все заводы, все промышленные заведения господ капиталистов, надо захватывать землю у помещиков, копи и шахты у всех владельцев... Когда сам народ будет владеть всем народным богатством, когда сам будет управлять государственной казной, когда сам будет заботиться об интересах всех граждан, о процветании родного края, стремиться к насаждению добрых отношений между собой, тогда не будет больше войн».

Да, это верно. Ведь смысл этого утверждения сводится к тому, что, когда утвердится на земле социализм, когда исчезнет эксплуатация среди общества, тогда, как говорили еще авторы Коммунистического манифеста, прекратится эксплуатация одного народа другим, а так как война имеет источником эксплуатацию одного народа другим, то прекратятся и войны. Это совершенно верно. Мы согласны с автором брошюры «Кому нужна война». Мало того, тут мы согласны и с анархистами. Далее автор говорит: «так как теперь началась война, сделайте так, чтобы власть перешла к рабочим, отнимите капиталы, осуществите социализм, и будет хорошо». Но ведь это всегда говорят анархисты; каждый раз, когда поднимается вопрос об уменьшении пределов капиталистической эксплуатации, анархисты выступали против нас.

Читайте сейчас историю Второго Интернационала, где говорится: эксплуатация капиталом труда прекратится только в социалистическом обществе. Когда будет социализм, тогда не будет эксплуатации. Это совершенно справедливо, но из этого какой вывод они делают? Они делают вывод: будем звать народы немедленно к социалистической революции. Тут-то мы, социалисты, и мы, марксисты, не могли с ними согласиться. Позвольте напомнить один пример, который, может быть, вышел из памяти многих, да, может быть, в своем конкретном виде многим из вас не был известен, потому что, чтобы знать его, нужно хорошо знать историю Второго Интернационала. На Парижском международном съезде в 1889 г. был поставлен вопрос о 8-часовом рабочем дне. Говорили: для того, чтобы организовать рабочий класс, нужно уменьшить эксплуатацию наемного труда капиталом; для того, чтобы добиться этого, нужно ввести 8-часовой рабочий день; для того, чтобы этого добиться, они решили праздновать 1 мая. Все идет оттуда.

Когда было сделано это предложение, осуществление которого, как вы знаете, принесло чрезвычайно много пользы всемирному пролетариату, вы знаете, что говорили анархисты? Они восставали против нас самым жестоким образом; они говорили нам: вы изменяете пролетариату. Почему? Потому что эксплуатация пролетариата прекратится только в социалистическом обществе. Поэтому нужно звать пролетариат не к фиксации 1 мая, нужно добиваться не 8-часового дня, а нужно, — дальше шла эта самая литания, ектения, — нужно отобрать фабрики от капиталистов, нужно то-то, нужно другое, — как раз то самое, что говорится в брошюре, написанной

человеком, который наверное считает себя марксистом. В этом было расхождение нашей тактики, социалистической, марксистской, с тактикой анархистов.

То же самое в вопросе о войне. Нам говорят: войны прекратятся только тогда, когда восторжествует социализм. В общем, это — содержание социализма. Но точно так же, как и в вопросе эксплуатации труда капиталом, мы говорим, что немедленный социалистический переворот невозможен. Мы говорим нашим противникам слева так, как мы говорили тогда нашим противникам из лагеря анархистов. Точно так же, как мы им говорили: так как немедленный социалистический переворот невозможен, то нужен паллиатив, нужно ограничение рабочего дня и т. д.

Как тогда, так и теперь мы говорим: так как немедленный социалистический переворот невозможен, то нужен известный паллиатив. И вот одним из этих паллиативов являются те способы войны, которые вам здесь предлагаются. Отвергнуть эти способы—значит отвергнуть весь социалистический способ действий и стать на анархистскую точку зрения. Конечно, все, что можно предложить, сказав, что сейчас немыслим социалистический переворот, это — паллиатив, но так как переворот действительно немыслим, то можно предложить только паллиатив. Несомненно, что какой бы оборот ни приняла война, какой бы ни был благоприятный исход этой войны для дела демократии всего мира, несомненно, что так как демократия не в состоянии будет сделать сейчас же социалистический переворот, то война может вспыхнуть и в будущем. Но ведь из этого не следует, что нужно вести себя так, чтобы война, которая теперь ведется, окончилась неблагоприятно для дела демократии. Из этого не следует, что война, которая теперь ведется, должна окончиться торжеством германского империализма, самого организованного, самого сознательного и потому самого страшного из всех видов империализма.

Что касается той анархической тактики, которую предлагал нам здесь гражданин Троцкий, то несомненно, что если бы всемирный пролетариат держался этой тактики, то она привела бы именно к упадку дела демократии и к торжеству милитаризма. Это было признано еще Вторым Интернационалом, это было признано на Цюрихском международном съезде в 1893 г. Тогда же было выяснено анархистам, которые предлагали нам сегодня эту тактику, что если мы теперь, как только вспыхнет война, — тогда уже говорили о возможности войны, — если мы, социалисты, в каждой отдельной стране попытаемся сделать социалистическую революцию, призывая народы подражать нам, то из этого вышло бы, что в той стране, где по тем или иным причинам в данное время влияние социалистических партий на пролетариат было бы сильным, в этой стране военная мощь пролетариата была бы ослаблена. Пролетариат, создав у себя социалистический строй, не мог бы давать отпора внешнему врагу. Наоборот, в той стране, где влияние социализма по тем или иным причинам было бы слабым, там милитаризм продолжал бы свое дело, и в результате такого способа действий вышло бы то, что страны, наиболее пропитанные духом социализма, пострадали бы, оказались бы побежденными теми странами, в которых социализм пока еще, по той или другой причине, не имеет никакого решительно воздействия на массы. Словом, тогда признана была бы такая тактика услугой делу империализма. Говоря это, я не рассуждаю, это не теоретический вывод, это не гипотеза. Это факт. Кто хочет знать историю Второго Интернационала, тот может посмотреть протоколы Цюрихского съезда 1893 г. Там есть соображения, во имя которых была отвергнута анархическая тактика, при одобрении самых выдающихся вождей всемирного пролета-

риата. Туда [1]) к концу съезда приехал Энгельс, там был [2]) старый Вильгельм Либкнехт, Бебель. Как говорила буржуазная пресса, на Цюрихский международный съезд приехал социал-демократический папа — Фридрих Энгельс, окруженный своими кардиналами от всех стран цивилизованного мира. На этом Съезде эта тактика решительно была отвергнута, как тактика, которая была бы услугой милитаризму. Это надо и знать и помнить, товарищи. Горе тем, которые забывают это, горе тем, которые забывают историю Первого Интернационала и хотят устроить Третий Интернационал на основе, противной всем традициям того Интернационала, который был основан, Первый и Второй Интернационалы, или непосредственно Марксом, или Энгельсом, или под их глубочайшим влиянием. Вот почему и теперь, товарищи, если бы мы усвоили в своем отношении к войне ту тактику, которую нам рекомендуют слева, то это было бы ни чем иным, как огромной услугой Вильгельму и его приспешникам. Мы, желая бороться с милитаризмом, в сущности явились бы слугами милитаризма. Эту услугу мы не должны оказывать ни ради нас самих и ни ради тех демократических стран, которые борются рядом с нами.

Я не хочу злоупотреблять вашим вниманием (голоса: «просим»), но мне хотелось бы сказать еще два слова в защиту тех стран, о которых здесь говорили таким языком, который, мне кажется, не приличествует настоящему положению дела. Товарищи, здесь говорили рядом с нами, — это говорил товарищ, который не соглашался с гражданином Троцким, — что же, с нами рядом борется Франция, нам все равно, откуда бы ни шла помощь. Граждане, помощь, идущая от Франции, идущая от демократической республики, или помощь, идущая от Англии, которая есть одна из самых демократических стран в мире, — эта помощь не такая вещь, к которой можно было бы относиться с презрением, и почти нужно было бы извиняться, принимая ее. Это странно, этого я не понимаю. Нет, Франция есть демократическая республика, и если мы не думаем, что мы у нас, в России, можем немедленно осуществить социалистический строй, если мы думаем, что нам придется примириться с буржуазной республикой, то мы должны уважать и Французскую республику. Это ясно. Здесь, на одном собрании, когда я упомянул о Франции, кто-то из публики воскликнул презрительно: «а, буржуазная республика». Тогда я, обращаясь к этому товарищу, сказал: «товарищ, вы, повидимому, воображаете, что Германия представляет из себя социалистическую республику. Вы очень ошибаетесь. Германия очень далека от социалистической республики. Германия есть страна юнкеров и капитанов промышленности, за которыми, к сожалению, до сих пор еще во имя империалистических стремлений идет значительная часть германского рабочего класса. Вот что такое Германия». И в интересах будто бы социалистических, будто бы международного беспристрастия так пренебрежительно относиться к Франции, как к буржуазной республике, нам, для которых буржуазная республика является еще пока идеалом, потому что она не утверждена Учредительным Собранием, нам нет ни малейшего основания. Наоборот, так как мы убеждены, — а я думаю, что в этом убеждено огромное большинство этого Съезда, — так как мы убеждены, что немедленное осуществление социалистических идеалов невозможно в России, да и за границей невозможно, так как мы убеждены в этом, то нам приходится выбирать из двух зол меньшее. Разумеется, из двух зол, которые бы нам могли представиться, союз с Германией и Австрией, с Вильгельмом и Карлом, или, с другой стороны, союз с Англией, создавшей наиболее демократическую

[1]) Слово: «Туда» вписано над зачеркнутым: «Там». — [2]) Слова: «там был» вписаны.

конституцию в мире, и с Францией, которая сделала великую революцию, разумеется, это есть то зло, которое представляется наименьшим. И мы должны итти туда.

Нам говорят еще: вы немедленно должны выяснить все дальнейшие цели этой войны. Вы должны доказать, что вы не преследуете никаких империалистических целей. Да, конечно, если мы социалисты, то мы никоим образом не должны позволять себе преследовать какие бы то ни было империалистические цели. Тот, кто преследует империалистические цели, есть не социалист. Вот почему ваш покорный слуга вам говорит, что он не считает возможным итти в Стокгольм на конференцию, потому что там ему пришлось бы встретиться с людьми, несомненно, преследующими империалистические цели — с Шейдеманом и аггелами его [147].

Мы не должны преследовать эти цели и мы должны заявить это. Разве это не заявлено в декларации нашего Временного Правительства? Декларация категорически заявила, что правительство преследует цели заключения мира без аннексий и контрибуций, на основе свободного самоопределения народностей. Разве это не выяснение целей? Разве наши солдаты на фронте должны, покидая окопы, бежать в свою деревню, чтобы справляться у старухи Аксиньи или у старика Федота, каковы истинные цели войны? Эти цели указаны. Нужно помнить, что это главная цель; а в настоящее время что мы видим? В настоящее время мы видим Сербию, раздавленную австрийским сапогом. Мы видим Бельгию, превращенную в кровавое озеро. Мы видим значительную часть французских провинций, в которых германская армия, к сожалению, составленная на целую треть из социал-демократов, не оставляет камня на камне, вырывая из земли даже плодовые деревья. В настоящее время мы видим, что значительная часть России занята германскими войсками. Вот, что мы видим в настоящее время. И теперь, когда это происходит, когда дело находится в таком положении, когда Германия является победоносной на всем фронте, нам говорят: о, защищаться, конечно, нужно, но главное, чтобы не пересолить, чтобы не оказаться империалистами по отношению к Германии. Товарищи, не напоминает ли это вам, всем, проходившим гимназию и учившимся русской литературе, известную сцену из «Недоросля», когда Митрофанушка рассказывает о своем сне и его мать спрашивает: «какой же ты сон видел?» — «Я, маменька, видел сон, что вы били папеньку. И мне стало жалко». — «Кого же, Митрофанушка?» — «Тебя, маменька, ты так устала, бивши папеньку». Так и о Германии приходится сказать, что они со своими союзниками и с Австрией устали, бивши нас с союзниками. Если они устали, это лучше для дел мира, — скорее мир будет заключен.

Все мы стремимся к миру. Война на всех нас наложила тяжелое иго, на шею всех народов цивилизованного мира. Наша шея изранена этим ярмом, этим игом. Для того, чтобы скорее заключить этот мир, нельзя сидеть сложа руки, нужно действовать, нужно, чтобы наши души проникались могучей боевой энергией французского конвента, французских монтаньяров, которые [не]бежали за границу, но которые говорили: не может быть речи о мире до тех пор, пока нашу территорию попирает враг своей пятой. Вот о чем нужно говорить. Когда мы сбросим со своих плеч иго неприятеля и когда мы увидим, что наши противники задаются империалистическими целями, мы скажем: руки прочь, наступил момент для заключения мира на основе свободы, на основе свободного самоопределения народов. Когда мы заключим этот мир на основе этой формулы, при таких условиях дело мира будет прочно, и тогда каждый наш потомок в России и в других странах скажет о нас, что мы оказали огромную услугу делу свободы, делу про-

гресса во всем цивилизованном мире. Этим я заканчиваю. (Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Товарищи, опять подтверждаю, что скоро будет внесен чрезвычайно серьезный вопрос, и поэтому прошу не расходиться.... (Голоса: «Поздно».) Товарищи, покорнейшая просьба быть спокойными. Слово принадлежит тов. Лапинскому.

ЛАПИНСКИЙ. Товарищи, я хотел бы после речи предыдущего оратора вернуться к той актуальной действительности, которая нас самым живым образом занимает. Я хотел бы припомнить тот ответ, который был дан правительствами союзных держав на предложение русского Временного Правительства отказаться от захватных целей и контрибуций. У меня создается впечатление, что пока Съезд недостаточно отчетливо посмотрел этой действительности в лицо. Характерным уже явилось то, что когда ответ союзников появился в Петрограде, то он мог благополучно несколько дней пролежать в петроградских дипломатических канцеляриях без того, чтобы мы, все руководящие круги нашего Совета, слишком обеспокоились... (Шум.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Покорнейше прошу не шуметь.

ЛАПИНСКИЙ... без того, чтобы Петроградский Совет проявил хоть каплю того святого беспокойства, о котором недавно говорил тов. Церетели, особенно на последнем заседании Совета Рабочих и Солдатских Депутатов [148]. Как же выглядел этот ответ?

Мы знаем, союзники в принципе выражают свое платоническое согласие на конференцию, где были бы пересмотрены эти договоры. Но по существу вопроса, — готовы ли они отказаться от захватных целей, от захватов и контрибуций, — они дали русской демократии весьма категорический ответ. Единственный результат, которого добилось русское Временное Правительство с этой стороны, является то, что наши союзники еще точнее и еще яснее, по крайней мере сравнительно, определили свои империалистические цели. Мало того, если до сих пор со стороны Франции, по крайней мере из официальных мест, мы слышали только об Эльзас-Лотарингии, только об ее присоединении, как единственной цели войны, то на этот раз в ответе Временному русскому Правительству мы в первый раз могли констатировать, что французское правительство в толковании привычной формулы гарантии прочного мира стало на позицию, до сих пор занимаемую в самой Франции только худшими реакционными шовинистами. Этой формуле в речи Рибо, которая предрешила ответ союзников, дано было открытое аннексионистское толкование... (Голоса: «А Германия?») Разрешите, скажу и о Германии... Об Италии говорить не приходится. Прежде чем ответить словом, [она] ответила делом, прикарманивая себе Албанию и превращая в ничто Лондонский договор, обойдясь с ним, как с лоскутом бумаги. Даже президент Вильсон счел необходимым в ответе русской демократии протестовать, — против чего, товарищи? Против тех властолюбивых планов, которые имеет правящий класс германский на всем пути от Берлина до Багдада, т.-е. определенно стал на сторону Англии и ее конкуренции с Германией на линии Берлин — Багдад, т.-е., иначе говоря, расписался под аппетитами английского правительства на Месопотамию и Аравию.

Вот существо ответа, который был дан русскому Временному Правительству и стоящему за ним Совету Рабочих и Солдатских Депутатов в ответ на известную ноту Временного Правительства. Я спрашиваю вас теперь, товарищи, на чем основаны наши надежды? Что если русское Временное Правительство, вместо того, чтобы в дальнейшем переписываться дипломатическим путем со своими союзниками, созовет через 4 — 6 недель конференцию, то союзники дадут другой ответ. Я опасаюсь, что эта на-